

Это было странное ощущение. Вся улица была серой, чёрной и даже белой. Но эта вещь излучала мягкое жёлтое сияние, которое сразу привлекло внимание Сюй Эра, жившего в чёрно-белом мире.

Это была лавка старьевщика, а предмет с жёлтым сиянием оказался медной монетой, использовавшейся как грузик для игры в цзяньцзы.

Сюй Эр купил цзяньцзы за два мао, и хотя друзья смеялись над ним весь день, он ничуть не жалел.

Вечером, как и предполагал Сюй Эр, он снова увидел сон, держа монету в руках.

На этот раз он оказался на огромной фабрике, где все люди носили длинные косы. Почитав комиксы, Сюй Эр знал, что это причёска времён династии Цин.

Он видел человека, похожего на евнуха из телевизора, который зачитывал указ, и множество людей, стоящих на коленях и слушающих его с трепетом.

Сюй Эр смог разобрать только слова «Канси» и «чеканка монет».

Затем он наблюдал, как чиновник передаёт красивую монету человеку, похожему на управляющего фабрикой.

Этот сон был более размытым, не таким чётким, как сон с табличкой, и Сюй Эр предположил, что это из-за того, что монета не стоила столько, сколько табличка.

Он знал поговорку: «Лучше иметь кусок чёрного дерева, чем сундук с драгоценностями», потому что в первом сне мужчина часто повторял это, и Сюй Эр понял, что табличка стоит целого сундука с сокровищами.

Очевидно, одна монета не стоила столько.

Сюй Эр лежал на кровати, играя с маленькой медной фигуркой тигра, покрытой зелёной патиной.

Он купил её на рынке, где продавец использовал её как грузик для прилавка. Сюй Эр купил две дорогие книги, и продавец отдал ему тигра в подарок.

Этот сон отличался от предыдущих — он был не только чётким, но и постоянно менял сцены.

Так Сюй Эр стал свидетелем жизни любимой дочери знатного семейства времён династии Тан, от двенадцати лет до замужества и рождения детей, разделённой на десятки снов, постепенно входящих в его мир.

От великолепных домов знати до величественных пограничных городов; от беззаботной девушки до смелой жены генерала. Впервые Сюй Эр понял, насколько прекрасен этот мир и насколько удивительной может быть жизнь.

Одновременно он почувствовал, что с его головой что-то не так, что-то непонятное, хорошее или плохое.

С тех пор как на его голове появилась рана, зашитая в больнице четырьмя швами, он почему-то стал умнее.

Книги, которые раньше казались сложными, теперь становились всё более понятными, особенно тексты и изображения, и он даже мог запоминать стихи с одного прочтения.

Иногда он даже чувствовал, что может выучить толстую книгу за один день.

Но почему-то он стал всё хуже понимать математические и физические формулы. Если раньше он был средним учеником по математике, то теперь она становилась всё сложнее, и на вступительных экзаменах он не набрал даже двадцати баллов.

Это стало основной причиной его плохих результатов на экзамене.

Как бы то ни было, уже почти четыре часа, и если не приготовить ужин, вся семья останется голодной. Сюй Эр вздохнул, встал, поправил смятое одеяло и вышел из комнаты, машинально направившись на кухню, чтобы приготовить тот же ужин, что и три дня назад: пампушки, солёные огурцы, салат из зелёного лука и тофу. Единственное отличие — можно было нарезать немного говядины в соусе.

Сюй Яньбинь вернулся домой, когда Сюй Эр только поставил еду на стол. Глядя на старшего сына, разносящего блюда, он почувствовал лёгкую вину.

Семья не была настолько бедной, чтобы не дать сыну ещё один год на учебу, и, хотя шансы были невелики, поступить в университет было возможно.

— Папа, ты вернулся, — сказал Сюй Эр, обернувшись и увидев Сюй Яньбина, смотрящего на него с непонятным выражением. Это немного смутило его. Не поступив в университет, он больше всего сожалел о том, что подвёл отца, возлагавшего на него большие надежды.

Когда он был маленьким, Сюй Яньбинь в пьяном состоянии говорил ему, что он обязательно должен поступить в университет, чтобы сделать ему имя.

Сюй Яньбинь, вероятно, уже забыл об этом или, увидев, что у Сюй Эра нет шансов на поступление, а Сюй Ни учится очень хорошо, перенёс свои надежды на дочь.

Но для Сюй Эра это было главной мотивацией в учёбе. И теперь он чувствовал, что подвёл единственную надежду отца, и был очень подавлен.

— Ну, а где мама? — Двое младших детей жили в общежитии, поэтому дома за столом сидели только они трое.

— На заднем дворе, — Сюй Эр сжал губы, — собирает бельё.

— Хорошо, — Сюй Яньбинь подошёл к столу, — садись, здесь же не гости.

Лю Юньхуа, войдя в дом, увидела молча сидящих за столом отца и сына, и вдруг почувствовала, что Сюй Эр выглядит жалко. Это чувство промелькнуло и исчезло, как иллюзия.

После ужина Лю Юньхуа, словно вспомнив что-то, сказала Сюй Эру, убирающему посуду:

— Сюй Эр, у меня есть немного сладостей, которые тётя Лю привезла из города. Отнеси их дедушке и бабушке.

Затем она вошла в комнату, взяла большую часть коробки с печеньем, которую принесла Лю Эrsaо, и передала Сюй Эру.

— Проведи с ними побольше времени, помоги по дому, — добавил Сюй Яньбинь.

Сюй Эр кивнул, убрал со стола и ушёл с печеньем. Он знал, что Лю Юньхуа собирается поговорить с Сюй Яньбином о доме и, возможно, о выделении его из семьи, но у него не было желания подслушивать.

Переезд для Сюй Эра не был важным, ведь он всё равно собирался уехать, рано или поздно.

Сюй Эра тепло встретили в доме Сюй Дунляна. Как старший внук семьи Сюй, он до трёх лет был единственным ребёнком в обеих семьях.

К тому же два сына Сюй Дунляна жили далеко, и внуков они видели только раз или два в году, так что Сюй Эр стал любимым гостем стариков, и его принимали почти так же хорошо, как единственную девушку в семье, Сюй Ни.

Сюй Дунлян любил добродушного и простого Сюй Эра и даже думал о том, чтобы усыновить его в семью своего старшего сына.

Тогда Сюй Эру было десять, а старшему сыну Сюй Дунляна, Сюй Яньмину, уже четыре года как женился, но детей у них не было, а у Сюй Яньбиня было уже два сына.

К тому же Сюй Эр в своей семье не пользовался особой любовью Сюй Яньбиня и Лю Юньхуа, так что усыновление его в семью Сюй Яньмина было бы выгодно для обеих сторон.

Но как только они договорились с невесткой, она сообщила хорошую новость — через восемь месяцев родился внук Сюй Май. Усыновление не состоялось, но Сюй Дунлян по-прежнему очень любил Сюй Эра, даже больше, чем родных внуков.

Сюй Дунлян сидел на кане, курил трубку, которую использовал уже больше десяти лет, и долго молча смотрел на Сюй Эра, сидящего рядом, сожалея, что такой хороший мальчик не сдал вступительные экзамены.

— Сюй Эр, ты уверен? Семья не богата, но мы можем позволить себе оплатить твою учёбу, отец сможет найти деньги.

— Нет, дедушка, мне уже почти двадцать, я не могу больше тратить семейные деньги, младшие брат и сестра подрастают, а я не очень хорошо учился, даже если ещё год буду готовиться, вряд ли поступлю, — Сюй Эр, всегда молчаливый, редко говорил так много. — Я хочу устроиться на работу.

Сюй Дунлян вздохнул:

— Ладно, я поговорю с твоим отцом, чтобы он устроил тебя к твоему дяде. Твой дядя живёт в городе уже много лет, может, знает каких-то мастеров, которые смогут тебя обучить ремеслу.

— Хорошо, я послушаюсь вас, дедушка.

Сюй Эр тоже думал, что нужно освоить ремесло. Он уже умел вырезать по дереву, и, как говорили одноклассники, в городе такие умения могут принести деньги. Как говорится, лишний навык не помешает, и чем больше умеешь, тем больше возможностей заработать.